

Чон Хесон, обещавшая отработать только выходные, пришла и на следующие. Сказала, что работу найти трудно, а со мной ей спокойнее.

Она освоилась быстрее меня: всю болтала с персоналом и выживала свежие сплетни.

— Слышал? Сегодня женятся младший сын «Хёнсон» и старшая дочь «Пхёджин».

Про «Пхёджин» я не знал, но «Хёнсон» — это гигант. Чеболь из первой двадцатки. Настоящие богачи.

— «Пхёджин» — просто крепкий середняк. Оказывается, их матери дружат, вот и решили породниться.

Благодаря болтовне Хесон я понял: сегодня ставки высоки. Ошибаться нельзя.

Обычно отель экономил на штате, но сегодня наняли прорву людей. Большинство — тертые калачи с опытом.

Все носились как ошпаренные. Я привычно таскал столы, крутил салфетки, а в редкие минуты отдыха переклеивал пахнущие ментолом пластыри на гудящих ногах. Стёртые пятки всё никак не заживали.

Когда я узнал, что цветы для зала стоят больше десяти миллионов вон, даже полез в интернет проверять. В голове не укладывалось: спустить такую сумму на букеты? Проходя мимо композиций, которые стоили дороже моего залога за квартиру, я гадал, каково это — обладать такими деньгами.

Расставив бокалы с приветственным шампанским, мы закончили подготовку. Начали прибывать гости.

Жених лучился дежурной улыбкой. Он был бетой, так что его истинных чувств я не улавливал, но на безумно влюблённого счастливчика он походил мало.

Наверное, тот самый брак по расчёту. Я тут же одёрнул себя: не моё дело. Пора думать о подаче блюд. Я ещё раз осмотрел свой сектор и приготовился.

Началась церемония. Мы потекли в зал с закусками. Запомнив, что в салате есть гребешки, я быстро разносил тарелки от стола к столу.

Гости вполголоса перемывали кости новобрачным. Обсуждали невесту, жениха, дела семейные. Оказалось, богачи сплетничают точно так же, как и все остальные.

На последнем столе я наткнулся на взгляд, от которого всё внутри ёкнуло. В глазах мужчины мелькнуло удивление, смешанное с какой-то ленивой радостью.

Я чуть не выронил тарелку.

— Асель?

В его взгляде читался немой вопрос: «Вы-то здесь что забыли?»

Со Джинхёк сидел в тёмно-сером костюме-двойке. Чёрный галстук стягивал ворот, а серебряный зажим был приколот с безупречной точностью.

Я так опешил, что не смог вымолвить ни слова.

— Твой знакомый? — сидящий рядом парень с любопытством уставился на меня.

Джинхёк ответил небрежно:

— Ага. Знакомый мальчик.

«Мальчик». От этого слова по коже пробежал мороз.

Джинхёк слегка подался вперёд.

— Подрабатываешь здесь?

Вопрос был совсем не к месту — свадьба в самом разгаре. Я кожей почувствовал взгляд администратора и напрягся. Разговаривать с гостями не запрещалось, но я боялся привлечь лишнее внимание.

— Э-э... мне нужно работать...

Я замялся, теряя нить разговора. Джинхёк постучал длинным пальцем по экрану телефона. На тыльной стороне его ладони проступили вены.

— Номер ведь знаете? — прошептал он. — Напишите после смены.

Я поспешил прочь, успев услышать в спину: «Ого, и откуда ты его знаешь?» Что ответил Джинхёк — осталось тайной.

Этот недослушанный диалог посеял во мне тревогу. Я понимал, насколько жалко выгляжу в его мире. Это вязкое слово «знакомый» никак не вязалось с моим прошлым. Я знал это лучше всех.

Поменяться секторами было невозможно, поэтому мне пришлось обслуживать его стол до конца церемонии.

Вопреки моим страхам, Джинхёк больше не пытался заговорить. Иногда кивал, когда я приносил блюда, но так ведут себя все вежливые гости.

Зато его приятель буквально сверлил меня глазами. Я из кожи вон лез, чтобы сохранить невозмутимый вид.

Издали Джинхёк казался воплощением скуки. Прядь волос небрежно касалась виска. Он лениво откинулся на спинку стула, что-то шепча соседу.

И вдруг он снова поймал мой взгляд.

И улыбнулся.

Сердце, словно перезревший плод, гулко лопнуло в груди. Я пулей вылетел из зала.

Мы переглянулись лишь на секунду, обычная случайность, но я не мог отдышаться. Пришлось силой заставлять себя вернуться в реальность.

К подаче лимонного щербета и подарков я взял себя в руки. С лицом каменного истукана я

расставил десерты и коробки с шоколадом на стол Джинхёка и с облегчением скрылся.

Он не знал, что его номера у меня давно нет. Я вычистил контакты, историю звонков, а визитку спустил в унитаз. Запах его феромонов выветрился из памяти, сменившись резким ароматом аптечных пластырей.

Если он сейчас уйдёт, я его больше не найду. Убирая посуду, я думал: «Какая удача». Увидел его в последний раз, и хватит.

Вряд ли он скоро снова окажется в этом отеле. А за это время я найду другую работу и окончательно убедюсь, что поступил правильно.

После смены в отеле соображаешь туго. Тело ломит так, что мечтаешь только о кровати.

Всегда бодрая Хесон теперь сидела на стуле и первым делом скинула туфли. Мой совет взять с собой кроссовки пришёлся как нельзя кстати.

— Всё, с меня хватит, — пробормотала она, растекаясь по креслу.

— Ты молодец, хорошо держалась.

— Ой... Деньги даются слишком дорого. Лучше поищу место в кафе.

Она едва шевелила губами от усталости.

— Береги руки, — посоветовал я. — От моющих средств часто бывает экзема.

— А ты и в кафе работал?

— Ага.

Сироте без гроша за душой выбирать не приходилось — я брался за любую подработку.

Мы уже выходили на улицу, когда меня окликнули.

— Чхве... Асель?

Голос звучал неуверенно. Имя редкое, человек явно боялся ошибиться.

Я обернулся к сотруднику отеля.

— Да, это я.

— Просили передать.

Он протянул мне листок. Я развернул его и увидел размашистую строчку:

[Буду ждать в лобби отеля.]

След от ручки был глубоким, буквы — резкими. Имени не было, но я и так знал автора.

Я тупо уставился на записку.

Зачем я ему? Неужели сходство с братом-омегой так важно?

Странно. Я бегу от него, а он раз за разом вытаскивает меня на свет, как золотую рыбку из пруда. И ему плевать, что рыбка задыхается без воды.

— Ты чего? Идём? — окликнула Хесон.

— Иди без меня, мне нужно встретиться с человеком.

— О, понятно. Тогда до связи! Пообедаем как-нибудь.

Я выдавил ответную улыбку и сжал листок в кулаке. В этот раз рвать не стал.

Спрятав записку в карман, я посмотрел на свои старые кроссовки. Поколебался, но достал из пакета жёсткие рабочие туфли и переобулся.

Пристукивая каблуками, я пошёл к лобби. Там было полно людей, и, хоть вход был открыт для всех, я чувствовал себя не в своей тарелке.

Казалось, сейчас выскочит администратор и выставит меня вон. Хотя после смены я был таким же клиентом, как и остальные.

Но знать это и чувствовать — разные вещи. В такие места я попадал только по работе.

Я шёл вдоль стен, словно тень, пока не увидел его.

Джинхёк сидел у огромного окна с чашкой эспрессо и что-то внимательно читал. Закат окрашивал его лицо в багряные тона.

Я не решался подойти. Перебирал в кармане листок, пока не понял, что заставляю его ждать слишком долго.

Он заметил меня первым. Стоило ему поднять голову, как суровое выражение лица смягчилось. Он закрыл книгу и указал на кресло напротив:

— Садитесь.

Я кивнул и пристроил пакет с кроссовками у ножки дивана. Взгляд упал на обложку книги.

Сборник стихов.

Никогда не видел, чтобы кто-то покупал поэзию для себя. Я уставился на книгу как на диковинку.

— Знаетн этого автора? — Джинхёк коснулся обложки, неверно поняв мой интерес.

— Нет. Просто... странно видеть человека со стихами.

Я замолк, испугавшись, что ляпнул глупость.

— Мне многие так говорят, — он негромко рассмеялся. Кажется, не обиделся.

Всё вернулось на круги своя.

Он ждал, а я мялся, не зная, куда деть руки. словно мы всё ещё в клубе «Нант», хотя я там больше не работаю.

— Закажите что-нибудь. Пьёте кофе? — он позвал официанта.

— Да, американо.

Я не большой любитель кофе, но и не противник. Ответил быстро, но Джинхёк всё равно продолжал изучать меню.

Наконец он поднял на меня глаза:

— Любите сладкое?

— Ну...

Прежде чем я успел ответить, подошёл официант. Джинхёк сделал заказ за нас двоих:

— Один американо и шоколадный торт с мороженым.

— Кофе горячий?

Официант посмотрел на меня. Я поспешил ответить:

— Холодный.

— Значит, один айс-американо и шоколадный фадж с ванильным мороженым. Верно?

— Да.

Когда официант ушёл, я вцепился в свои колени. Вряд ли Джинхёк будет есть торт. Это для меня? Но я не люблю десерты.

Впрочем, возразить я не посмел.

— Сначала попейте, потом поговорим, — он слегка нахмурился. — Вид у вас измученный.

— Да...

Врать не было смысла, но и уплетать торт на глазах у этого мужчины не хотелось.

Отказаться было сложно. Чашка кофе за двадцать тысяч вон для него — сущие копейки. Я просто промолчал.

— Спасибо.

— Не за что.

Принесли заказ. Джинхёк, как и в прошлый раз с молоком, пододвинул тарелку ко мне. Сам он к сладкому не притронулся.

— Говорят, здесь отличные десерты.

Торт оказался приторным до тошноты. Я тут же запил его горьким кофе.

Мужчина наблюдал за мной, а потом вдруг бросил:

— Слышал, вас уволили из «Нант».

Удар под дых. Я растерялся и выдавил:

— Да. А откуда...

— ...

— Откуда вы знаете?

— Я звонил, чтобы предложить вам ещё раз подумать над моим предложением. А мне сказали, что я ваш спонсор.

Он усмехнулся. Лицо оставалось спокойным, но в нос ударил резкий, терпкий аромат сандала. Он был недоволен.

Я начал оправдываться:

— Кто-то из сотрудников увидел нас вместе. Я говорил, что это не так. Но меня уволили не из-за этого, а потому что обвинили в краже...

Джинхёк выслушал меня и коротко спросил:

— Вы правда что-то украли?

— Нет.

Не могу сказать, что я святой, но там я ничего не брал.

— Понятно.

Он не стал копать глубже и сменил тему:

— Почему вы не позвонили?

Я промолчал, выдавив неловкую улыбку.

А он бы на моём месте позвонил?

Смешно. Моя симпатия к нему — это одно.

Но какой бы добротой он ни светился, я никогда не узнаю, где её предел.

<http://bllate.org/book/17249/1613970>